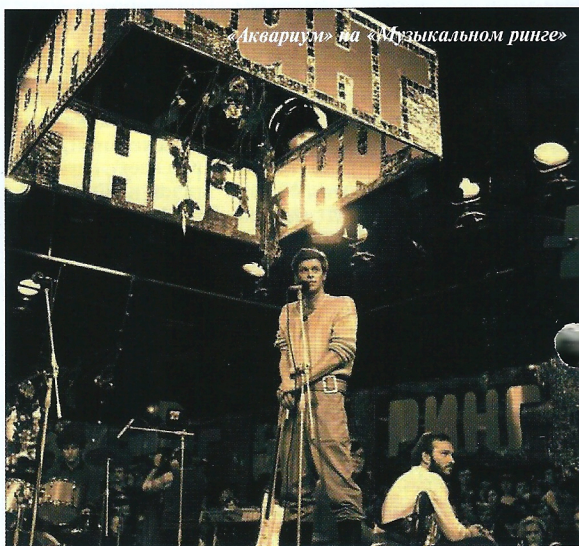

1987: «Аквариум» на ринге

Двадцать лет культурной революции в СССР

■ Корни последней пережитой нашим отечеством «культурной революции» можно поискать не столько в 60-х, сколько в конце 70-х — начале 80-х, когда советский рок-андеграунд не просто превратился в плохо различаемое официальными инстанциями мощнейшее явление общественно-культурной жизни в СССР, но и успел обзавестись собственными презираемыми вероотступниками вроде группы «Машина Времени», «продавшейся» Госконцерту. Признаки надвигающейся «культурной революции» были очевидны на раннеперестроечном телевидении и в столь же ранней молодежной прессе («Студенческий меридиан», «Ровесник») в 1986 году. Но грянула эта революция 17 января 1987 года.

«Аквариум» на «Музыкальном ринге»

В хрестоматийной Интернет-текстовке на тему «Вы родом из 1970-х, если...» можно обнаружить тончайшее и точнеешее наблюдение: «Вы — родом из 70-х, если «Музыкальный ринг» с группой «Аквариум» стал для вас главным событием 1987-го года».

17 января 1987 года телевидение показало на весь СССР передачу «Музыкальный ринг» с одной из лучших групп советского андеграундного рока (запись состоялась 24 октября 1986. — Ред.). Я лично встречал десятки, а виртуально был знаком, наверное, с сотнями людей, которые заявляли, что их жизнь делится на периоды — до и после «Музыкального ринга» с группой «Аквариум».

Рискуя подставить себя под град критических замечаний, не могу не провести одного сравнения. А. И. Герцен вспоминал о том, как, находясь в ссылке, прочитал знаменитое философское письмо П.Я. Чаадаева: «Летом 1836 года я спокойно сидел за своим письменным столом в Вятке, когда почтальон принес мне последнюю книжку «Телескопа». <...> Наконец дошел черед и до «Письма». Со второй, третьей страницы меня остановил печально-серьезный тон: от каждого слова веяло долгим страданием, уже охлажденным, но еще озлобленным. Эдак пишут только люди, долго думавшие, много думав-

шие и много испытывавшие; жизнью, а не теорией доходят до такого взгляда... <...> «Письмо» Чаадаева было своего рода последнее слово, рубеж. Это был выстрел, раздавшийся в темную ночь; тонULO ли что и возвещало свою гибель, был ли это сигнал, зов на помощь, весть об утра или о том, что его не будет, — все равно надобно было проснуться».

Недоброжелатели Герцена возмущались. Как можно? Ведь это же 1836 год! Премьера гоголевского «Ревизора». Пушкин написал «Капитанскую дочку». Премьера «Жизни за царя» Глинки. Великий актер того времени Мочалов играет еще недавно запрещенного Гамлета. Пушкин начинает издавать свой журнал «Современник». Издан цикл стихотворений Федора Тютчева. Да много чего было. Как никак, «золотой век» русской литературы на дворе. А Герцен вспоминает в качестве главного события года чаадаевский пасквиль.

Политизированные ветераны перестройки наверняка осудят меня за то, что в богатейшем на события 1987 году я выделил именно телепередачу с группой «Аквариум». Попытаюсь объяснить.

Как ни странно, на перестроечном телевидении довольно редко попадались совершеннейшие «инопланетяне». То есть не оборзевшие комсомольцы и не умучен-

ные советской властью интеллигенты, а люди из совершенно иного социокультурного измерения. Таким «пауком с Марса» предстал боевитый Эдуард Лимонов в 1990-м году. Он выглядел и рассуждал так, что сразу стало понятно — это не советский и не антисоветский, не перестроечный и не западный, а какой-то совершенно «сам себе принадлежащий человек». Таким был Курехин с «грибным ленинизмом». Кто-то запомнил явление Тэтчер к нашим журналистам, а кто-то — отца Александра Меня. К чести Ксении Собчак можно заметить, что первоначальные выходы ее папеньки на съезде народных депутатов были поинтереснее и поспежнее Ельцина в троллейбусе.

Но первым из «абсолютно иных» явился на телевидение Гребенщиков со своей группой. Это был еще как бы «настоящий» «Аквариум» — до «Равноденствия» и «Полковника Васина», то есть до того, как группу подверстали в «перестроечный рок» и утопили в «красной волне». Это была, видимо, последняя телезапись «Аквариума», в которой Гребенщиков выглядел как «молодой человек», а музыка группы действительно смотрелась как образец «молодежной культуры».

Уже через год Гребенщиков станет гуру с полным лицом, а тогда он был еще близок к народу и одно-

временно совершенно иной, чем народ.

Публика в студии тогда выпала в осадок. Многие просто не понимали, что происходит на «Ринге», на котором еще недавно выступали группы вроде «Форума» и «Секрета». Главное непонимание — о чем поют эти странно одетые парни? Дело в том, что «Аквариум» тогда имел славу группы с абсолютно непонятными и доступными только посвященными текстами. Публика требовала разъяснений и четких ответов на вопросы вроде «о чем вы поете?» и «в чем смысл вашего творчества?». Близорукий Гребенщиков шурился и говорил совершенно по-советски: «мы боремся с обывательством». И тут совершенно не по-советски: «этот растет дерево, вы же не пытаетесь понять его». А бабушка в зале указывала, что флейтист группы одет так, что у него «из-под пятницы суббота видна».

Множество людей, просто усевшихся посмотреть модную телепередачу, увидели нечто такое, о существовании чего они и не догадывались. И это был прорыв. Заградительные сооружения рухнули, и подмошки отечественной массовой культуры в течение нескольких месяцев оказались захвачены еще вчера подпольными рок-коллективами, подвальные театры, никому неизвестными поэтами и писателями, «режиссерами-полочниками», диссидентами-бородавочниками и тому подобными экзотическими персонажами.

Интересно, что прорыв в публичное пространство не продублировал, а сломал существовавшие тогда в рок-культуре иерархии. В хорошо разогретое петровскими и ленинскими переносами главного города страны противостояние Москвы и Петербурга, в отдаленной провинции понимаемое тогда как противостояние «линии Макаревича» и «линии БГ», перестройка вбросила «третью силу» — Свердловский рок-клуб. С Урала пришли главные перестроечные герои — Борис Ельцин и группа «Наутилус».

О Ельцине в другой раз. Обратим внимание на то, что именно 1987 год стал годом начала настоящей «Наутилусомании». Брутальный эстет Бутусов в стремительно обретшем популярность альбоме «Разлука» пел песни, музыкальное оформление и тексты которых заставляли всерьез задуматься о грядущем конце

гребенщико-макаревической эпохи. Авторов текстов мало кто знал тогда. Даже фамилии Бутусов не было на слуху, а кто мог догадываться о существовании текстовика Ильи Кормильцева? Теперь трудно представить, но это был год, когда песня «Я хочу быть с тобой» считалась не образцом русскоязычного рок-н-рольной пошлости, а символом неподкупной искренности, предложить которую мог только русский рок. Ходили чудовищные слухи, что Вячеслав Бутусов (его считали автором всех текстов) посвятил эту песню своей девушке, трагически скончавшейся в каком-то подвале. Почему в подвале и почему она скончалась? — я сейчас и не вспомню, но тогда эти слухи передавались друг другу с серьезнейшим выражением лиц. Много лет спустя Илья Кормильцев признался, что написал текст этой одной из самых известных песен русского рока за несколько минут, когда ждал опаз-

Илья Кормильцев

дывающую на свидание девушку. Очередная история на любимую русскими поэтами тему: «Когда б вы знали, из какого сора...».

Последняя советская культурная революция закончилась довольно быстро. Уже в 1988-1989-м годах было понятно, что «советский Вудсток» стремительно идет к концу. Затем наступил быстрый и для многих отнюдь не метафорический финал. Смерть Александра Башлачева, Янки Дягилевой, смерть Виктора Цоя, смерть Майка Науменко...

Что было дальше?

В жизни человека бывает очень короткий период, когда, находясь на выходе из молодости, он неожиданно понимает, что все, чем он был увлечен, будучи молодым, на самом деле не более чем игра. И теперь он должен либо забыть про молодые игры (в лучшем случае сложить их на полку пьяных воспоминаний), повзрослеть и зажить так, как жили до него миллиарды

людей, либо, осознав, что до этой поры были просто веселые игры, попробовать сделать все то же самое, но уже по-настоящему. Повзрослому. Не стоит лишний раз напоминать о чудовищном количестве разрывов между теми, кто выбирает первый вариант, и теми, кто отказывается на второй.

Что-то подобное произошло и с русским роком. Большинство рокеров приняла правила «взрослой игры», убедив себя, что это и не игра вовсе. Они ушли либо в «гуру» (Гребенщиков), либо в «артисты» (Бутусов).

Единицы предпочли попробовать по-настоящему. Илья Кормильцев — один из них. Он стал издателем множества скандальных книг (издательство «Ультра.Культура») и инициатором множества общественных скандалов, эхо которых еще долго будет аукаться.

Когда-то Кормильцева спросили о его социально-политическом идеале. Разные деятели отечественной культуры по-разному отвечали на этот популярный в России вопрос в XIX, XX и XXI веках. Ответ Кормильцева, пожалуй, самый оригинальный из всех.

Он сказал: «Самыми притягательными для меня идеями ... являются идеи раннего американского индивидуалистического либерализма, предшествующего непосредственно американской революции. Это идея о том, что группа свободных граждан, свободно собравшаяся на свободной территории, полномочна сама выработать законы, по которым им надлежит жить. Другое дело, что я считаю эти идеи нежизнеспособными в современных условиях — экономических, социальных. После краха идеи о легком и быстром завоевании Космоса, эта идея о возможности самоорганизации групп на свободных территориях выглядит утопичной в силу отсутствия свободных территорий».

Илья Кормильцев умер 4 февраля этого года. В год двадцатилетия последней советской «культурной революции», одним из главных героев которой он был. Умер двадцать лет спустя.

Свободных территорий теперь действительно не осталось. Космические планеты в этом деле не помощники. Осталось только создавать свободные территории вокруг самих себя. Или в самих себе. Кому на что силенок хватит.

Сергей Шмидт